

Как и вчера, я вошел в дом Хан Уджу. Не думал, что вернусь сюда еще раз. Хан Уджу что-то снимает с полки, где аккуратно стоят туфли. Это две пары меховых тапочек.

— Вчера здесь тоже было две пары?

— Да. Мои и одна для гостей.

— Мне кажется, вчера я их не надевал.

— Тогда ты так рыдал, что я забыл дать их тебе.

— Вот как...

Говорит так, что мне становится неловко. Я снимаю кроссовки и ставлю их на полку. Рядом с дорогими туфлями Хан Уджу они выглядели очень жалко. В конце концов, я, не выдержав, переставил кроссовки в угол у входа.

— Не идешь?

— Сейчас иду!

Я отвожу взгляд от обуви и торопливо прохожу внутрь. Хан Уджу касается пульта, и темный дом мгновенно озаряется светом. Я заметил это еще когда играл, но только сейчас осознал насколько огромен этот дом для одного человека. Пол выложен белым мрамором, но нет ни одного ковра. Потолок до неприличия высок, мебели мало, а освещение яркое, без всякого настроения. Можно сказать, что он не похож на жилой, совершенно пустой.

— ...О? Подожди. Хан Уджу, посмотри на меня.

При свете лицо Хан Уджу выглядит как-то странно. Сначала я подумал, что он испачкался. Хан Уджу смотрит прямо на меня, а уголок его рта разорван и покрыт засохшей кровью. Подожди, а это что за синяк на щеке?

— Что с твоим лицом?

— Меня ударили. Ты не видел?

— Что? Ин Хасон?

— Кто еще это мог быть.

— Ты ударил его в ответ?

— Нет.

— Почему?!

«.....»

Я в шоке. Хан Уджу, его лицо — это же его богатство, этот Ин Хасон, он что, сумасшедший? Как его вообще можно ударить? На его месте, как бы я ни был зол на Хан Уджу, я бы не смог ударить его по лицу, так что Ин Хасон явно не человек.

— Ты намазал мазью?

— Нет.

— Почему? А дезинфицировал?

— Было лень.

Хан Уджу так раздражает. Он вообще осознает, что он главный герой отоме-игры? Нет, конечно, нет. Если бы осознавал, это было бы странно и страшно.

По крайней мере, он должен знать, что он красивый. В наши дни быть красивым — это такое большое благословение. Говорят, что люди не ценят то, что имеют. И меня это бесит.

— Принеси аптечку.

— Не знаю, где она.

...Я знаю, где она. Я сталкивался с событиями, где нужна аптечка, когда играл. Было бы жутко, если бы я сказал ему, где она.

— Можно я поищу?

— Не возражаю. Просто сядь и отдохни.

Я проигнорировал слова Хан Уджу и продолжил ходить по гостиной. Притворившись, что усердно ищу, я нашел аптечку в самом нижнем ящике шкафа и взял ее. Я сел на ближайший диван и похлопал по соседнему месту.

— Сядь сюда.

Он выглядел недовольным, но послушался. Я достал вату и собирался намочить ее дезинфицирующим средством, но случайно немного пролил. С одной неработающей рукой это было ужасно неудобно. Я собирался приложить ее к ране Хан Уджу, но инстинктивное что-то схватило меня за шиворот и встряхнуло.

«Подожди, эта ситуация не слишком ли похожа на отоме-игру?»

Приютить бездомного друга — это то, что делают близкие друзья. Но лечить рану на лице, кажется, не то, что может делать второстепенный персонаж отоме-игры. Я притворился, что так и собирался сделать, и сунул влажный ватный диск в руку Хан Уджу.

— На, продезинфицируй.

«.....»

Хан Уджу молча взял вату и вытер рану. Но вата была слишком мокрой. Капли дезинфицирующего средства стекали по подбородку Хан Уджу. Казалось, каждый раз, когда вата касалась кожи, раздавался влажный, хлюпающий звук. Возможно, из-за сырости или из-за того, что рана щипала, лицо Хан Уджу было немного мрачным.

Тем временем я выдавил мазь на кончик ватной палочки и протянул ее Хан Уджу. Он послушно взял ее и небрежно приложил ватную палочку к ране.

— Эй, Хан Уджу.

— Что?

— Что ты делаешь?

— Мажу мазь.

— Ты не мажешь, а еле касаешься?

Хан Уджу прищурился и посмотрел на меня. Ну и что? Я ответил ему недовольным взглядом, и он вздохнул. Затем он приложил ватную палочку к ране и убрал ее. Он что, издевается?

— Эй, Хан Уджу.

— Что опять?

— Что ты делаешь все это время?

— Мажу мазь.

— Ты не мажешь, а наносишь.

— И что?

— Она скомкалась. Аккуратно разотри по ране.

Хан Уджу снова попытался пошевелить рукой. Что-то меня тревожило.

— Не размазывай слишком широко. Только по ране. Понял?

Рука Хан Уджу замерла.

— ...Эй.

— Что?

— Если будешь продолжать так придирааться, сам мажь.

Он протянул мне ватную палочку.

— Мне нельзя.

— Почему нельзя?

— Это неудобно.

— Почему?

Ах! У меня есть свои причины, о которых ты, второстепенный персонаж, не знаешь! Такие события нужно оставлять для главных героев! Успокойся и подумай хорошенько. Нет ли правдоподобного оправдания? Хан Уджу продолжал смотреть на меня. Не знаю, просто скажи что-нибудь.

— Ты... слишком красив, чтобы я мог к тебе прикасаться.

«.....»

Что я несу? Ан Тэвон, ты что, сумасшедший? Быстрее исправь это!!

— Я боюсь, что если я случайно прикоснусь и сделаю хуже, то почувствую себя виноватым. Никаких других причин у меня нет...

— Эй.

— ...Да.

— Значешь, что...

Хан Уджу встал.

— Когда я смотрю на тебя, мне иногда бывает стыдно.

«.....»

— И довольно часто...

Хан Уджу нанес мне сокрушительный удар и ушел в ванную. Я уткнулся лицом в диван и беззвучно закричал. Через некоторое время я хотел сказать Хан Уджу, который вышел, идеально нанеся мазь только на рану: «Разве не лучше было бы приклеить пластырь?», но не смог. Казалось, Хан Уджу снова сказал глазами: «Тебе стыдно».

Хочется куда-нибудь спрятаться. Но даже если так, это все равно дом Хан Уджу. Чтобы забыть о неловкости, я тихонько смотрел в телефон. Было бы хорошо узнать имена друзей Чо Хёну, которые были с ним достаточно близки, чтобы спрашивать о его самочувствии. Было довольно много сообщений. Среди них выделялись имена «О Джэён» и «Кан Джунхи». Судя по содержанию и частоте предыдущих контактов, они, кажется, были ближе, чем другие.

«В классе я их вроде не видел».

Они из другого класса? Нужно будет потом хотя бы поздороваться. Хоть и не хочется, но, наверное, лучше как-нибудь подружиться с друзьями Чо Хёну. Более того, меня беспокоило то, что кто-то сказал сегодня в школе: «Чо Хёну, почему ты вдруг стал тусоваться с Хан Уджу?» Необходимо выяснить, почему все так плохо относятся к Хан Уджу и что произошло.

«Быстрее всего спросить у него самого, но это как-то... Оригинальный Чо Хёну не мог не знать...»

Что, если я спрошу Хан Уджу: «Тебя везде ругают. Что ты натворил?» Одна только мысль об этом заставляет меня терять рассудок.

— Эй, Чо Хёну!

— А! О, да?!

Воображаемый Хан Уджу презирал меня, а тут появился настоящий Хан Уджу. Он облокотился на спинку дивана и посмотрел на меня. Когда он пришел?

— Ты меня напугал!

— Я тебя давно зову.

— ...Правда? Не слышал. Извини.

— Ладно. Вставай.

Я в замешательстве встал и последовал за Хан Уджу. Я почувствовал вкусный запах, и на столе стояла белая каша.

— Ты сам приготовил?

— Нет. Классный руководитель купил кашу. Я ее разогрел.

— Это не она?

Я прекрасно помню. Классный руководитель купил кашу из осьминога с кимчи. Она была такой красной, что я сомневался, можно ли ее есть на голодный желудок.

— Да, она.

— У классного руководителя была красная каша, а не белая.

— ...Я убрал красное.

Как ты мог это убрать?

— Если не нравится, не ешь.

— Кто сказал, что не нравится?

Я поспешно сел, боясь, что Хан Уджу действительно уберет кашу. Белая, прозрачная каша была аккуратно разложена в изысканной посуде. Одна ложка кунжутного масла с приятным ароматом и посыпанный кунжут делали ее аппетитной на вид. Я поднял ложку и слегка размешал, увидев, что внутри много кусочков. Это почти половина риса, половина начинки?

— Подожди, это морской ушко?

— Я-то откуда знаю.

— Как долго ты собираешься притворяться?

— Что?

В любом случае, я его не понимаю. Иногда он делает что-то милое.

...Э?

«Что я только что подумал? Милый? Кто?»

Хан Уджу? Да ну, вряд ли. Это наверняка ошибка. Я быстро отложил ложку каши, прежде чем углубиться в свои мысли. Каша была идеально приправлена, а кунжутное масло придавало ей утонченный вкус, что делало ее очень изысканной. После того, как я проглотил мягкую кашу, крупно нарезанные морские ушки возбуждали аппетит. Мясо было упругим и не имело рыбного привкуса, только приятный ореховый вкус.

Мысль о том, что каша — это еда, которую едят только когда болеют или вынуждены, исчезла, как снег на солнце. И каша тоже быстро исчезла. Я невольно съел ее жадно. Все это время Хан Уджу сидел напротив. Неужели он все время смотрел? Стыдно.

Я аккуратно положил ложку на тарелку. Неловко улыбнулся и заговорил:

— ...Спасибо. Было вкусно.

— Похоже на то.

Он безразлично сказал и встал, чтобы убрать посуду, и я поспешно встал следом.

— Подожди. Посуду помою я!

— Одной рукой?

— А.

— Просто сиди смирно — это уже помощь.

Я хотел что-то сделать, но действительно ничего не мог. Мне было не по себе, что я только получаю. У меня есть только тело, но и оно не в порядке.

Хан Уджу быстро помыл посуду и вкратце показал мне дом. На первом этаже гостиная, кухня, одна большая комната, на втором этаже две комнаты, и как только поднимаешься по лестнице, видишь комнату Хан Уджу, а рядом с ней — гостевую. Мне сказали, что я могу оставаться в гостевой комнате сколько угодно.

Комната, которую мне выделил Хан Уджу, была на удивление уютной, а аккуратно расставленная мебель выглядела очень дорогой. Я не мог не задать беспокоящий меня вопрос:

— Что ты будешь делать, если я что-нибудь украду?

Хан Уджу открыто усмехнулся.

— Если хочешь украсть, попробуй.

«.....»

Что это значит? Он меня недооценивает? Я опустил уголки губ, выражая недовольство, но Хан Уджу и бровью не повел. И когда он попытался зайти в свою комнату, я снова его остановил. У меня еще оставались вопросы.

— Есть что-нибудь, на что мне нужно обратить внимание? Или то, чего делать нельзя...

— Хм...

Хан Уджу долго думал, а затем, наконец, ответил:

— Пока рука не заживет, не пользуйся кухней, и если что-то понадобится, позови меня. То, что в большой комнате на первом этаже, лучше не трогать. Это в основном вещи отца.

— А, угу.

— Это все. Я единственный, кто живет в этом доме, так что не о чем особо беспокоиться.

Я не стал спрашивать больше и коротко кивнул. Хотя в игре никогда не раскрывались все семейные обстоятельства Хан Уджу, я примерно знал. Его отец — магнат, который ведет двойную жизнь, и в настоящее время он полностью обосновался в семье своей жены и хорошо живет.

Хан Уджу — ребенок, рожденный от любовницы. Все, что требовал Хан Уджу, исполнялось, но личных контактов было мало, это была обычная история, которую можно часто встретить в СМИ. Да и все члены семьи Хан Уджу, которых я знал, были не очень хорошими людьми.

Но это не та проблема, в которую мне нужно глубоко вдаваться. Каждый из нас пошел в свою комнату, чтобы помыться и подготовиться ко сну. Мыться, переодеваться и расстелать одеяло с одной рукой в гипсе было просто мучением. Некоторое время назад Хан Уджу спросил: «Помочь?», но я отказался, потому что это было бы предательством роли второстепенного персонажа.

Наконец, я закончил приготовления ко сну и, совершенно измотанный, рухнул на кровать. Едва я собирался заснуть, как раздался стук в дверь. Дверь открылась, и Хан Уджу подошел ко мне.

— Не вставай. Слушай лежа.

Он остановил меня, когда я попытался встать, и продолжил:

— Ин Хасон.

— Да.

— Что ты хочешь с ним сделать?

— Что?

— Ты хочешь, чтобы с ним что-то случилось?

Меня клонило в сон, и голова медленно соображала.

— ...Я бы хотел, чтобы он был наказан.

— Например?

— Он очень плохой парень...

— Кажется, ему нельзя играть в бейсбол.

— Да.

— Будет ли тебе неудобно, если встретишь его в школе?

— Хм, да.

— Ладно, понял.

— Угу...?

— Просто спи. Поговорим, когда проснешься.

Хан Уджу равернулся и ушел. Поток света из приоткрытой двери почти иссяк. Что-то застряло у меня в голове.

— Хан Уджу.

— Что?

— Спокойной ночи...

Он что, собирался уйти, не попрощавшись, такой бессердечный? Я не знал, понял ли Хан Уджу то, что я пробормотал, уткнувшись в одеяло. В тишине чье-то присутствие снова ощутилось практически рядом. Он что-то забыл? Прости, но это мой предел. Я не мог больше терпеть и погрузился в глубокий сон.

В ту ночь мне приснился Хан Уджу, который улыбался и желал мне спокойной ночи. Действительно, Хан Уджу больше всего идет улыбка.

Мне приснился хороший сон.